

ющим образом. Как говорит Аристотель во второй книге «О душе», «жизнь есть сущность живущих», а так как существуют многие виды жизни (у растений – произрастание, у животных – произрастание, ощущение и движение, у людей – произрастание, ощущение, движение и сознание, или разумение) и так как вещи должны называться по самому благородному их признаку, очевидно, что у животных жить – значит ощущать, я говорю о диких животных; а у человека жить – значит пользоваться разумом, способность же пользоваться разумом и есть сущность человека. Итак, если жизнь есть сущность живущих, если жить для человека значит пользоваться разумом и если пользование разумом есть сущность человека, то и отказ от этого пользования есть отказ от своей сущности, иными словами, смерть. И разве не отказывается от пользования разумом тот, кто никогда не рассуждает о цели своей жизни? И разве не отказывается от пользования разумом тот, кто никогда не рассуждает о предстоящем ему пути? Конечно, отказывается, и это особенно очевидно в том случае, когда человек, имея перед собой следы, их не видит. Вот Соломон и говорит в главе пять Книги Притчей: «Он умирает без наставления и от множества безумия своего теряется». А это все равно что сказать: мертв тот, кто не становится учеником, кто не следует за учителем, а этот ничтожнейший человек и есть тот, о котором говорилось. Иной мог бы сказать: как же так – он мертв, а ходит? Отвечаю, что как человек он мертв, но животным остался. В самом деле, согласно словам Философа во второй книге «О душе», способности души основываются друг на друге, как фигура четырехугольника основана на треугольнике, а пятиугольник, то есть пятисторонняя фигура, основан на четырехугольнике; точно так же ощущающая способность основана на произрастающей, а рассуждающая – на ощущающей. Таким образом, если отнять последнюю сторону от пятиугольника, остается четырехугольник, который уже не есть пятиугольник, точно так же, если отнять у души ее высшую способность, то есть разум, человека уже не остается, а остается лишь нечто обладающее только ощущающей душой, а именно дикий зверь. И таков в начатой канцоне смысл ее второй строфы, в которой излагаются чужие мнения.

VIII.

Самая прекрасная ветвь, вырастающая из разумного корня, – это рассудительность. В самом деле, согласно тому, что говорит Фома по поводу вступления к «Этике», – «познавать порядок подчинения одной вещи другой есть преимущественное действие разума», а это и есть рассудительность. Один из самых прекрасных и сладких плодов этой ветви – почтение, которое младший должен оказывать старшему. Недаром Туллий, говоря в первой книге «Об обязанностях» о красоте, освещающей всякий благонравный поступок, утверждает, что почтение также причастно этой красоте, и подобно тому, как почтение есть красота благонравия, так и его противоположность есть омрачение и недостаток благонравия, противоположность же эта есть непочтительность или наглость, как ее можно назвать на нашем разговорном языке. А потому тот же Туллий в упомянутом месте и говорит: «Пренебрегать тем, что о нем говорят другие, есть свойство человека не только дерзкого, но и распущенного»; а это означает только то, что дерзость и распущенность не что иное, как незнание самого себя, знание же это есть начало и мера всякой почтительности. Поэтому, соблюдая должную почтительность по отношению к государю и к философу и намереваясь изъять из ума некоторых людей злостные домыслы, дабы водрузить на их место светоч истины, я, прежде чем заняться опровержением изложенных выше мнений, покажу, что, опровергая их, рассуждение мое не страдает непочтительностью ни к императорскому величию, ни к философу. В самом деле, если бы я показывал себя непочтительным в какой-либо другой части этой книги, это не было бы столь предосудительным, как в настоящем трактате, в котором, рассуждая о благородстве, я должен показать себя благородным, а не подлым. И сначала я докажу, что я не покушаюсь на авторитет философа, а затем покажу, что не покушаюсь на императорское величие.

Итак, я утверждаю, что, когда философ говорит: «Невозможно, чтобы то, что кажется большинству, было совсем ложным», он имеет в виду суждение, основанное не на восприятии внешней, кажущейся стороны предмета посредством органов чувств, а на восприятии глубоко, то есть разумно, ибо большинство людей подчас вводят в величайшее заблуждение именно внешние признаки, в особенности – общие. Недаром мы знаем, что большинству людей Солнце